

Е. Н. Данилова
**ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ПОДХОДЫ**

doi: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-127-134

УДК 39 ББК 63.500

Статья представляет собой информационный обзор современных концепций и подходов к пониманию феномена этнологической экспертизы. Этнологические экспертизы, в которых сделан акцент на комплексном интеграционном исследовании этносоциальных процессов, отнесены к социологическому подходу. В контексте этноэкологического подхода выполнены исследования, объектом которых являются этноэкологические системы, состоящие из этнических общностей и этнокультурной среды. Феноменологический подход, предполагающий органичное преобразование культуры и встраивание ее системы в новые условия, рассматривает этноэкспертизу как метод «позитивного действия по оптимизации межэтнической кооперации» и «активации этнокультурного потенциала». В ракурсе правового подхода этнологическая экспертиза становится «элементом общественного правосознания» и проводится с целью «выработки механизма важнейших коллективных и индивидуальных прав коренных малочисленных народов». В рамках системного подхода анализируется потенциальное внешнее воздействие и то, каким образом оно отражается на всей системе взаимодействия технологии, природы и общества. Кроме того, на основании этнологического мониторинга проводится экспертиза этнокультурной и этноконфессиональной ситуации. Сложившаяся ситуация научно-практического поиска показывает, что этноэкспертиза сегодня не является чем-то однородным, а скорее представляет собой своеобразный «мир экспертиз». Одним из важных результатов научно-практического поиска стало законодательное движение, которое постепенно идет к нормативному закреплению процедуры этнологической экспертизы.

Ключевые слова: *этнологическая экспертиза, коренное население, этнологический мониторинг, оценка социального воздействия*

Этнологическая экспертиза, ставшая сегодня «частью политического менеджмента»,¹ является одной из наиболее важных сфер практического применения этнологических знаний. Как и любая другая экспертиза, она может быть определена как рассмотрение «какого-нибудь вопроса экспертами для вынесения заключения»² и должна проводиться в отношении всех социально значимых управленческих решений (далее — проектов) в самом широком спектре направлений.³

На территории Российской Федерации этнологические экспертизы проводятся в основном в отношении коренных малочисленных народов и связаны с активным освоением

природных ресурсов. В большей степени это обусловлено тем, что в отечественном законодательстве определение этноэкспертизы содержится только в законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.), согласно которому это «научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса».⁴ В качестве государственной, этнологическая экспертиза проводится только в Республике Саха (Якутия), где соответствующий закон принят на региональном уровне.⁵ Помимо этого, ее реализуют как этнологический компонент в рамках государственных историко-культурных и экологических экспертиз (ЯНАО, ХМАО — Югра) или как вариант общественной этнологической

¹ Мартынова М. Ю. Миссия антропологии и этнологии: социальная роль и практическая значимость // XII Конгресс антропологов и этнологов России. М.; Ижевск, 2017. С. 8.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 941.

³ См.: Головнёв А. В. Этнологическая экспертиза в сценариях ресурсного освоения Ямала // Урал. ист. вестн. 2014. № 2 (43). С. 143.

⁴ ФЗ-№ 82 от 30 апреля 1999 г. Вопросы правовой основы этнологической экспертизы подробно освещены в работе: Люди Севера. Права на ресурсы и экспертиза. М., 2008.

⁵ Закон «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности народов Севера Республики Саха (Якутия)» № 3 № 537-IV. См.: Слепцов А. Н. Государственная этнологическая экспертиза Республики Саха (Якутия) // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (4). С. 17.

экспертизы (ЯНАО, НАО, Кемеровская область).⁶ Кроме того, существует целый ряд прикладных исследований, которые не имеют в своем названии термина «этнологическая экспертиза», однако по ряду признаков могут быть соотнесены с ней.

Основная цель данной статьи состоит в том, чтобы охарактеризовать суть современного понимания такого феномена, как этнологическая экспертиза, которое сформировалось на основе опыта последних двух десятилетий. Для этого попытаемся систематизировать материалы методологических подходов к проведению этнологических экспертиз и охарактеризуем их принципиальные особенности.

Подход к проведению этнологических экспертиз как комплексного «интеграционного исследования этносоциальных процессов» прослеживается в работах О. В. Нечипоренко, А. Н. Садовой, В. В. Поддубикова; условно его можно назвать социологическим. Среди современных подходов он возник одним из первых и так же, как и все остальные, — на основе опыта, а именно на основе систематических мониторинговых и экспертных этносоциальных исследований, позволяющих анализировать многолетнюю динамику показателей социального и экономического развития коренных малочисленных народов.⁷ Полигоном для исследований в данном случае явилась Кемеровская область, а коренными малочисленными народами — телеуты и шорцы.⁸

Согласно социологическому подходу основной целью этнологической экспертизы является определение возможных негативных этносоциальных последствий реализуемых проектов.⁹ Сама же экспертиза определяется как

«научное исследование в области прикладной антропологии, направленное на выявление текущих этнодемографических, социально-экономических, этнополитических процессов, сложившихся форм этнической самоорганизации и предпринимательства; определение степени обоснованности проектов и программ развития в районах проживания, землепользования, использования природных ресурсов этнических меньшинств; составление прогноза краткосрочных и среднесрочных этносоциальных последствий принимаемых управленческих решений».¹⁰ В основе этноэкспертизы лежат результаты полевых исследований, статистической обработки массовых источников, информационной обработки делопроизводственной документации органов исполнительной власти, учреждений и организаций, национальных ассоциаций и других источников.¹¹ Методологическая основа этнологической экспертизы строится на системном анализе процессов «социального развития этнических сообществ во всех основных аспектах их жизнедеятельности: социальном, экологическом, политическом, культурном, собственно этническом».¹²

Довольно близкой к этому подходу является позиция А. Н. Ямскова, который предлагает именовать этнологическую экспертизу экспертизой социально-этнологической, аргументируя свое предложение двумя доводами: во-первых, именно социальной экспертизой называют свои результаты труда специалисты Всемирного Банка; во-вторых, предложенный термин, акцентируя социальные аспекты экспертизы, помогает уйти от ненужной «этнизации» этой процедуры, поскольку в подавляющем большинстве случаев объектом изучения и прогнозируемого воздействия являются отнюдь не этносы или этнические общности и не их этническое самосознание, а группы населения, обладающие определенным культурным своеобразием, или социально-культурные

⁶ «Классификация» этнологических экспертиз, основанная на возможных вариантах их проведения, была представлена в докладе Д. А. Функа. См.: Функ Д. А. «Этнологическая экспертиза» по-русски // XII Конгресс антропологов и этнологов России. С. 418. Подробнее об этнологическом исследовании в рамках историко-культурной экспертизы см.: Адаев В. Н. Из опыта проведения этнологической экспертизы в Урало-Сибирском регионе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 35–42.

⁷ См.: Поддубиков В. В., Нечипоренко О. В. Традиционные практики жизнеобеспечения шорцев: этнологическая экспертиза // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 118.

⁸ См., напр.: Бойко В. И., Шмаков В. С., Нечипоренко О. В. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. Новосибирск, 2008. Вып. 2.

⁹ См.: Садовой А. Н., Поддубиков В. В. Этнологическая экспертиза в практике регионального управления: опыт Кемеровской области // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2011. № 1 (45). С. 22.

¹⁰ Садовой А. Н. Этнологическая экспертиза в системе регионального этнологического мониторинга // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности: сб. ст. по итогам межрегион. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.). Кемерово, 2013. С. 76.

¹¹ См.: Куринских П. А. Культура жизнеобеспечения как объект этнологической экспертизы // Прикладная этнология... С. 83.

¹² См.: Нечипоренко О. В. Интеграция коренных малочисленных народов Сибири в индустриальное общество: опыт этнологических экспертиз // Прикладная этнология... С. 35, 36.

общности, и их современная культура и социальная организация.¹³

Подход к этноэкспертизе как к «механизму установления диалога» между коренными народами и промышленными компаниями реализуется в работах Н. И. Новиковой, Е. П. Мартыновой, О. О. Звиденной. В этом, правовом, ракурсе этнологическая экспертиза становится «элементом общественного правосознания» и «представляется как экспертное заключение о влиянии хозяйственных проектов на сохранение и развитие образа жизни коренных народов».¹⁴ По мнению Н. И. Новиковой, «объектом этнологической экспертизы чаще всего оказывается жизнь конкретных людей, имеющих различные жизненные ситуации. Задача этнографа предоставить каждому из них право голоса...»¹⁵ Сама экспертиза и последующий мониторинг «проводятся для выработки механизма защиты важнейших коллективных и индивидуальных прав коренных малочисленных народов».¹⁶ Теоретическую и методологическую основу проведения этнологической экспертизы в этом подходе составляют международные документы и материалы ООН. В качестве примера этнологических экспертиз в данном контексте можно привести работы среди ненцев Тазовского района ЯНАО¹⁷ и среди удэгейцев Приморского края.¹⁸

А. В. Головнёв рассматривает этнологическую экспертизу как метод «позитивного действия по оптимизации межэтнической кооперации» и «активации этнокультурного потенциала».¹⁹ Данный подход, предполагающий органичное преобразование культуры и встраивание ее системы в новые условия, можно условно назвать феноменологическим. Дело в том, что этнограф смотрит на традиции как на нечто незыблемое, невольно рассматривая иннова-

ции «в качестве помехи или раздражителя», этноэксперт же, в отличие от него, должен видеть в традиции не цель, а средство самобытного развития, поскольку понятие «традиция» в контексте непрерывно преобразующейся культуры весьма условно. При этом сама этноэкспертиза, в отличие от этнографии, должна быть обращена не в прошлое, а в будущее. Реализация подобного подхода была осуществлена среди ненцев Ямала.²⁰ Проведенная экспертиза позволила увидеть возможные варианты развития событий («форсайт-сценарии») и предложить эффективные проекты, основанные на сочетании и взаимодействии традиций и технических инноваций. В русле этой же исследовательской стратегии в начале 1990-х гг. были осуществлены проекты по обоснованию этнических статусных территорий на реках Сосьве и Казыме.²¹ В тот период никто не использовал для подобных проектов понятия «этнологическая экспертиза», однако проведенные исследования и предложенные авторами заключения вполне соответствуют данному определению.

О. А. Мурашко основывается на системном подходе к этнологической оценке. Подобный подход реализуется с помощью анализа «потенциального воздействия планируемых работ по проекту как одного из функциональных элементов системы взаимодействия технологии, природы и общества, в которой любой новый компонент, оказывающий воздействие на один или группу функциональных элементов, неизбежно отразится на всей системе». В качестве предмета этнологической экспертизы автор видит «возможные сценарии развития этнологической ситуации во время проведения, после и вследствие реализации проекта».²² На основе данного подхода была проведена этнологическая экспертиза в акватории Обской и Тазовской губ.²³ В первую очередь, была определена зона воздействия

¹³ См.: Ямсков А. Н. Этноэкологические экспертизы в международных организациях // *Этнология общества*. М., 2006. С. 11.

¹⁴ Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. Этнологическая экспертиза 2011 года. М., 2012. С. 15.

¹⁵ Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза: на перекрестке истории, этнологии и юридической антропологии // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Казань, 2010. Ч. 1. С. 78.

¹⁶ Новикова Н. И. Недостающее звено (об опыте проведения этнологических экспертиз на Севере России) // *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году: ежегод. докл. Сети этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов*. М., 2014. С. 344–352.

¹⁷ См.: Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Указ. соч.

¹⁸ См.: Звиденная О. О., Новикова Н. И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М., 2010.

¹⁹ Головнёв А. В. Указ. соч. С. 143.

²⁰ См.: Этнологическая экспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург, 2014. С. 133.

²¹ См.: Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск, 1992; Касум-Ёх: материалы для обоснования проекта этнической статусной территории. Шадринск, 1993.

²² См.: Мурашко О. А. Этнологическая экспертиза в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы // *Мир коренных народов — Живая Арктика: альманах*. М., 2006. Прил. к альманаху.

²³ См.: Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. М., 2002.

проекта и группы населения, на которые он оказывает влияние. Далее, группы населения были проанализированы по следующим критериям: демографическая устойчивость и социально-экономическое положение; локальные типы традиционного природопользования; устойчивость этнокультурной среды.

Этноэкологический подход в экспертизах можно увидеть в работах В. В. Степанова, К. Б. Клокова. Методологическая основа этого подхода разрабатывается с 1989 г. и основана на этнической экологии.²⁴ Ее суть заключается в том, что «этнические общности имеют особую внутреннюю структуру, которая находится в определенном балансе с окружающей средой. Нарушение баланса приводит общность в неустойчивое состояние с разными негативными последствиями».

Сегодня исследователи определяют объект этноэкологической экспертизы «как традиционную этническую общность (ТЭО). Такое определение фиксирует внимание на этничности и традиционности и не содержит никаких дополнительных ограничений, оно может быть применено практически во всех случаях, когда проводится экспертиза. Состав ТЭО может быть неоднородным, она может состоять из нескольких этнических компонентов. В территориальном плане ТЭО может быть представлена и отдельной семьей, и всем коренным населением РФ».²⁵ Однако далее подчеркивается, что с точки зрения теории правильнее считать объектом экспертизы «этноэкологическую систему, состоящую в целом из традиционной этнической общности и этнокультурной среды (ЭКС), которая ею создается и является необходимым условием ее существования. На практике ТЭО и ЭКС обычно изучаются и оцениваются раздельно».²⁶ Помимо самой экспертизы, предлагается также выполнять этноэкологическое сопровождение проекта²⁷ — комплекс прикладных этноэкологических работ, связанных с разработкой и реализацией какого-либо проекта, затрагивающего интересы коренного населения.

Помимо экспертиз, проводимых для оценки воздействия хозяйственных проектов на коренные малочисленные народы, могут иметь место и другие ее формы. Так, например, проводится экспертиза этнокультурной и этноконфессиональной ситуации в регионах на основании этнологического мониторинга. Такой мониторинг, разработанный В. А. Тишковым, реализуется сегодня в рамках проекта «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов» (существует с 1993 г., англоязычное наименование Early Warning — EAWARN). Под ранним предупреждением конфликтов понимается способность оценивать социально-культурную и политическую ситуацию в многоэтнических странах, регионах и местных сообществах, а также способность донести до общества и государства соответствующую оценку для принятия превентивных мер. В качестве ориентира для научного анализа и оценки берутся 7 категорий (например, среда и ресурсы, демография и миграции, экономика и социальная сфера и др.), по каждой из которых есть свои условные индикаторы оценивания. В России мониторинг проводится примерно в половине регионов, в каждом из которых работает эксперт. На основе полученных материалов формируется доклад с анализом событий и тенденций в сфере этнических отношений и с определением путей урегулирования конфликтов.²⁸

В зарубежной исследовательской практике в настоящее время широко используются подходы и принципы Оценки социального воздействия (Social Impact Assessment, SIA),²⁹ которая проводится при эффективном вовлечении затронутых сообществ и включает в себя «анализ, мониторинг, управление предполагаемыми и непредвиденными социальными последствиями развития». Основная цель SIA состоит в том, «чтобы добиться более устойчивых и приемлемых биофизических условий и среды обитания человека». Первоначально задуманная как инструмент прогно-

²⁴ См.: Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999.

²⁵ Клоков К. Б. Теоретическое обоснование этноэкологической экспертизы для оценки воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера // Прикладная этнология... С. 99.

²⁶ Там же. С. 99, 100.

²⁷ См.: Клоков К. Б. Этноэкологический подход к оценке воздействий промышленно-транспортного освоения на природопользование северных народов // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. С. 337–344.

²⁸ См.: Тишков В. А. Главные итоги мониторинга и не только // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году: ежегод. докл. Сети этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: в 2 т. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2016. Т. 1. С. 8–13.

²⁹ Оценка социального воздействия является процессом понимания и реагирования на социальные проблемы, связанные с развитием. Под социальным воздействием (как положительным, так и отрицательным) понимается то, что переживается или ощущается отдельной социальной группой вследствие какого-либо действия (или его отсутствия).

зирования последствий проектов развития, SIA постепенно выросла в целую систему со своей стратегией, которая контролирует, оценивает, анализирует социальные изменения и активно реагирует на всех этапах разработки и реализации проекта.³⁰

Оценка социального воздействия включена в процесс планирования и утверждена на уровне государственного законодательства уже во многих странах. В Российской Федерации важным шагом в этом направлении стало законодательное движение, которое постепенно идет к нормативному закреплению процедуры этнологической экспертизы. По поручению президента Российской Федерации³¹ подготовка предложений по этому вопросу ведется Федеральным агентством по делам национальностей совместно с другими организациями. Предполагается, что первоначально правовое оформление будет реализовано в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и только на этом основании будут выработаны рекомендации в целом для Российской Федерации.

Разрабатываемая нормативно-правовая база должна стать той основой, на которой будут строиться взаимоотношения заказчика, эксперта и коренных жителей. Она призвана не только узаконить саму экспертизу, но и создать набор документов, в том числе положений, которые будут регулировать экспертные исследования и дадут возможность проверить обоснованность и достоверность их результатов и выводов. Кроме этого, нормативно-правовая база должна определить систему прин-

ципов, которыми будут руководствоваться все взаимодействующие стороны, и ту ответственность, которую они понесут в случае их несоблюдения.

Существование обширного поля взглядов на феномен этнологической экспертизы и многочисленных подходов к ее реализации говорит о ситуации научно-практического поиска. Этнологическая экспертиза сегодня не является чем-то однородным, а скорее представляет собой своеобразный «мир экспертиз», в котором любая конкретизация этого понятия приводит к исключению некоторых видов деятельности, претендующих именоваться экспертными.

В сложившихся условиях важно выработать общую систему координат, в которой будут проводиться исследования. Такой системой, например, может стать алгоритм, который не будет противоречить ни одному из представленных подходов, но объединит их в части обязательного содержания. Сами же методологические концепции, показывающие скорее путь самореализации авторов и их компетентность, могут быть при этом различными, даже в рамках одного исследования; их выбор может быть обусловлен конкретными задачами. Так, наиболее приемлемым для экспертизы территорий традиционного природопользования может быть этноэкологический подход. Концептуальность феноменологического подхода применима к разработке форсайт-сценариев и позиционированию коренных малочисленных народов как равных партнеров диалога. Системный и социологический подходы можно использовать при анализе исходных данных и т. д. Очевидно, что, помимо самой экспертизы, немаловажным является последующий мониторинг и «экспертиза самой экспертизы», которые согласуют реальные социальные изменения с прогнозируемыми. Полученные при этом данные обеспечат совершенствование используемых приемов и методов и, как следствие, увеличат ту «полезность», которую несет этнологическая экспертиза для всех взаимодействующих сторон.

³⁰ Vanclay F. International Principles for Social Impact Assessment // Impact Assessment and Project Appraisal. 2003. № 21 (1). P. 5–11. Оценка социального воздействия возникла в 1970-х гг. в США наряду с оценкой воздействия на окружающую среду (ОВОС) и первоначально копировала ее, нередко SIA проводилась как часть ОВОС. Со временем стало ясно, что практика SIA расходится с ОВОС из-за растущего осознания того, что социальные вопросы принципиально отличаются от биофизических вопросов. В настоящее время ситуация, когда оценка влияния развития на социальную сферу жизни общества включена в исследование об окружающей среде, характерна в основном для развивающихся стран. Подробнее об этом см.: Social Impact Assessment: Guidance for assessing and managing the social impacts of projects / Vanclay F., Esteves A. M., Aucamp I., Franks D. Fargo ND, 2015.

³¹ Пункт 3 перечня поручений Президента Российской Федерации В. В. Путина по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям 31 октября 2016 г. от 4 декабря 2016 г. № Пр-2338. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53412> (дата обращения: 01.11.2017).

Elena N. Danilova

Postgraduate, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: danilova@northarch.ru

ETHNOLOGICAL EXPERTISE: MODERN CONCEPTS AND APPROACHES

The article offers an overview of the modern concepts and approaches towards the understanding of the ethnological expertise phenomenon. The ethnological expertise with its emphasis on the comprehensive integrational study of the ethno-social processes has been classified as part of the sociological approach. The ethno-ecological approach context embraces the studies focusing on the ethno-ecological systems consisting of the ethnic communities and the ethno-cultural environment. The phenomenological approach implying the limited transformation of culture and building of its system into the new environment views the ethnological expertise as the method of the “positive action aimed at optimization of the inter-ethnic cooperation” and the “activation of the ethno-cultural potential”. From the point of view of the legal approach the ethnological expertise becomes the “element of the public legal awareness” and is referred to with the purpose of “elaboration of the mechanism of the most important collective and individual rights of the indigenous peoples”. The system approach analyzes the potential external effect and the way it affects the whole system of interrelations between the technologies, nature and society. In addition, the ethnological monitoring is used as the basis for the expert assessment of the ethno-cultural and the ethno-confessional situation. The existing academic and practical study situation demonstrates that the ethnological expertise today is not something uniform, but rather is a certain “realm of expert assessment practices”. One of the important outcomes of the academic and practical study is the legal regulation development, which moves in the direction of codification of the ethnological expertise procedures.

Keywords: *ethnological expertise, indigenous population, ethnological monitoring, social impact assessment*

REFERENCES

- Adaev V. N. [From the experience of carrying out ethnological expertise in the Ural-Siberian region]. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Area in the mirror of the past]. Tomsk; Khanty-Mansiysk: TomGU Publ., 2009, iss. 7, pp. 35–42. (in Russ.).
- Bogoyavlenskiy D. D., Martynova E. P., Murashko O. A., Khmeleva E. N., Yakel Yu. Ya., Yakovleva O. A. *Opyt provedeniya etnologicheskoy ekspertizy: otsenka potentsialnogo vozdeystviya programmy OAO «Gazprom» poiskovo-razvedochnykh rabot v akvatoriyakh Obskoy i Tazovskoy gub na komponenty ustoychivogo razvitiya etnicheskikh grupp korennnykh malochislennykh narodov Severa* [Experience in carrying out ethnological expertise: assessment of the potential impact of the exploration program of Gazprom in the Ob and Taz Bay waters on the components of sustainable development of ethnic groups of indigenous minorities of the North]. Moscow: Radunitsa Publ., 2002, 134 p. (in Russ.).
- Boyko V. I., Shmakov V. S., Nechiporenko O. V. *Etnologicheskaya ekspertiza. Etnopoliticheskie, sotsialno-ekonomicheskie i etnodemograficheskie protsessy v srede teleutov Belovskogo i Gurevskogo rayonov Kemerovskoy oblasti* [Ethnological expertise. Ethnopolitical, socio-economic and ethno-demographic processes among the Teleuts of Belov and Guriev regions of the Kemerovo region]. Novosibirsk: Parallel Publ., 2008, iss. 2, 232 p. (in Russ.).
- Funk D. A. [“Ethnological expertise” in Russian]. *XII Kongress antropologov i etnologov Rossii* [12th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia]. Moscow; Izhevsk: IEA RAN, UIIYaL UrO RAN Publ., 2017, pp. 418–419. (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Ethnological expertise in the scenarios of resource development on Yamal peninsula]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2014, no. 2 (43), pp. 143–153. (in Russ.).
- Golovnev A. V., Lezova S. V., Abramov I. V., Belorussova S. Yu., Babenkova N. A. *Etnoekspertiza na Yamale: nenetskie kochevyia i gazovye mestorozhdeniya* [Ethno-expertise on Yamal: Nenets routs and gas fields]. Ekaterinburg: AMB Publ., 2014, 232 p. (in Russ.).
- Kasum-Yekh: materialy dlya obosnovaniya proekta etnicheskoy statusnoy territorii* [Kasum-Yoh: materials for substantiating the project of an ethnic status territory]. Shadrinsk: PO “Iset” Publ., 1993, 112 p. (in Russ.).

- Klokov K. B. [Ethnoecological approach to assessing the impacts of industrial and transport development on the nature use of northern peoples]. *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredelnykh gosudarstvakh v 2013 godu. Ezhegodnyy doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring countries in 2013. Annual report of the network for ethnological monitoring and early warning of conflicts]. Moscow: IEA RAN Publ., 2014, pp. 337–344. (in Russ.).
- Klokov K. B. [Theoretical justification of ethnoecological expertise for assessing the impact of industrial development on the traditional nature use of the indigenous population of the North]. *Prikladnaya etnologiya i aktualnye problemy gosudarstvennoy etnonatsionalnoy politiki v regionakh Zapadnoy Sibiri: mekhanizmy vzaimodeystviya vlasti, nauki, obshchestvennosti* [Applied ethnology and topical problems of the state ethno-national policy in the regions of Western Siberia: mechanisms for interaction between the authorities, science, the public]. Kemerovo: Praktika Publ., 2013, pp. 97–104. (in Russ.).
- Kurinskikh P. A. [Culture of life support as an object of ethnological expertise]. *Prikladnaya etnologiya i aktualnye problemy gosudarstvennoy etnonatsionalnoy politiki v regionakh Zapadnoy Sibiri: mekhanizmy vzaimodeystviya vlasti, nauki, obshchestvennosti* [Applied ethnology and topical problems of the state ethno-national policy in the regions of Western Siberia: mechanisms for interaction between the authorities, science, the public]. Kemerovo: Praktika Publ., 2013, pp. 83–88. (in Russ.).
- Lyudi Severa. Prava na resursy i ekspertiza* [People of the North. Resource rights and expertise]. Moscow: Strategiya Publ., 2008, 512 p. (in Russ.).
- Martynova E. P., Novikova N. I. *Tazovskie nentsy v usloviyakh neftegazovogo osvoeniya. Etnologicheskaya ekspertiza 2011 goda* [Taz Nenets in oil and gas development. Ethnological expertise of 2011]. Moscow: IP A. G. Yakovlev Publ., 2012, 132 p. (in Russ.).
- Martynova M. Yu. [The mission of anthropology and ethnology: the social role and practical importance]. *XII Kongress antropologov i etnologov Rossii* [12th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia]. Moscow; Izhevsk: IEA RAN, UIIYaL UrO RAN Publ., 2017, pp. 6–14. (in Russ.).
- Metody etnoekologicheskoy ekspertizy* [Methods of ethnoecological examination]. Moscow: IEA RAN Publ., 1999, 299 p. (in Russ.).
- Murashko O. A. [Ethnological expertise in Russia and international standards for assessing the impact of projects on indigenous peoples]. *Mir korennykh narodov — Zhivaya Arktika: almanakh* [World of Indigenous Peoples — Living Arctic: almanac]. Moscow: Assotsiatsiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka RF Publ., 2006, 114 p. (in Russ.).
- Nechiporenko O. V. [Integration of indigenous small-numbered peoples of Siberia into industrial society: the experience of ethnological expertise]. *Prikladnaya etnologiya i aktualnye problemy gosudarstvennoy etnonatsionalnoy politiki v regionakh Zapadnoy Sibiri: mekhanizmy vzaimodeystviya vlasti, nauki, obshchestvennosti* [Applied ethnology and topical problems of the state ethno-national policy in the regions of Western Siberia: mechanisms for interaction between the authorities, science, the public]. Kemerovo: Praktika Publ., 2013, pp. 31–42. (in Russ.).
- Novikova N. I. [Ethnological expertise: at the crossroads of history, ethnology and legal anthropology]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Kazan: Institut istorii AN RT Publ., 2010, part 1, pp. 76–80. (in Russ.).
- Novikova N. I. [The missing link (on the experience of carrying out ethnological expertise in the North of Russia)]. *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredelnykh gosudarstvakh v 2013 godu. Ezhegodnyy doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring countries in 2013. Annual report of the network for ethnological monitoring and early warning of conflicts]. Moscow: IEA RAN Publ., 2014, pp. 344–352. (in Russ.).
- Poddubikov V. V., Nechiporenko O. V. [Traditional practice of life support of the Shorians: ethnological expertise]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy], 2014, vol. 12, iss. 2, pp. 118–124. (in Russ.).
- Sadovoy A. N. [Ethnological expertise in the system of regional ethnological monitoring]. *Prikladnaya etnologiya i aktualnye problemy gosudarstvennoy etnonatsionalnoy politiki v regionakh Zapadnoy Sibiri: mekhanizmy vzaimodeystviya vlasti, nauki, obshchestvennosti* [Applied ethnology and topical problems of the state ethno-national policy in the regions of Western Siberia: mechanisms for interaction between the authorities, science, the public]. Kemerovo: Praktika Publ., 2013, pp. 67–83. (in Russ.).
- Sadovoy A. N., Poddubikov V. V. [Ethnological expertise in the practice of regional management: the experience of the Kemerovo region]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2011, no. 1 (45), pp. 22–26. (in Russ.).

Severnaya Sosva (istoricheskie i sovremennye problemy razvitiya korennoho naseleniya) [Northern Sosva (historical and contemporary problems of indigenous development)]. Shadrinsk: PO "Iset" Publ., 1992, 76 p. (in Russ.).

Sleptsov A. N. [The state ethnologic examination in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Arktika. XXI vek. Gumanitarnye nauki* [Arctic. 21st century. Humanitarian sciences], 2015, no. 1 (4), pp. 15–24. (in Russ.).

Tishkov V. A. [The main results of monitoring and not only]. *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredelnykh gosudarstvakh v 2014 godu. Ezhegodnyy doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring countries in 2014. Annual report of the network for ethnological monitoring and early warning of conflicts]. Moscow: IEA RAN Publ., 2016, vol. 1, pp. 8–13. (in Russ.).

Vanclay F. International Principles for Social Impact Assessment. *Impact Assessment and Project Appraisal*, 2003, no. 21 (1), pp. 5–11. (in English).

Vanclay F., Esteves A. M., Aucamp I., Franks D. Social Impact Assessment: Guidance for assessing and managing the social impacts of projects. Fargo ND: International Association for Impact Assessment, 2015, 99 p. (in English).

Vanclay F., Esteves A. M., Aucamp I., Franks D. Social Impact Assessment: Guidance for assessing and managing the social impacts of projects. 2015, 99 p. (in English).

Yamkov A. N. [Ethno-ecological expertise in international organizations]. *Etnologiya obshchestvu* [Ethnology to society]. Moscow: Orgservis-2000 Publ., 2006, pp. 10–62. (in Russ.).

Zvidennaya O. O., Novikova N. I. *Udegeytsy: okhotniki i sobirатели реки Bikin (Etnologicheskaya ekspertiza 2010 goda)* [Udegeys: hunters and gatherers of the Bikin River (Ethnological expertise of 2010)]. Moscow: ID "Strategiya"; IP Andrey Yakovlev Publ., 2010, 154 p. (in Russ.).